Верум

Автор:
Кортни Коул

Верум

Кортни Коул

Ноктэ #2

Меня зовут Калла Прайс. Мир вокруг меня превратился в бескрайний океан, тайны которого затягивают все глубже. Могу ли я доверять кому-то? Я не знаю ответа, потому что вокруг одна ложь. И даже Дэр, человек, которого я люблю, скрывает нечто темное за закрытыми дверями своего фамильного поместья.

Я потонула во тьме, но верю, что истина меня освободит. Вот только у нее есть клыки, которыми она готова разорвать мой разум в клочья.

Вы напуганы? Я очень.

Кортни Коул

Верум

Courtney Cole

Verum

© 2015 by Courtney Cole

© Аристова Е. А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Наташе.

Потому что ты всегда веришь в меня.

Даже когда я сама теряю надежду.

Предисловие

Дорогой читатель!

Как сказал Данте Алигьери в части, посвященной «Аду» своей «Божественной комедии»: «Не стоит бояться: нашу судьбу невозможно отнять – это дар, данный нам свыше».

Данте солгал.

Наша судьба – это то, над чем мы должны работать.

Это то, за что мы платим.

Своими слезами.

Своей кровью.

Всем тем, что мы имеем.

И так до конца.

До самого последнего часа.

Только тогда мы узнаем, стоила ли игра свеч.

Пролог

– Еще увидимся, Калла. Ты уверена, что не хочешь пойти?

Я отвлекаюсь от своих занятий и смотрю в дверной проем нашего салона, где стоит мой брат.

– Да, уверена, – бросаю я в ответ, – мне просто нужно побыть одной. Но ты же все равно идешь со своим другом, и кстати, он тебя уже ждет.

– Ему пришлось отказаться. – Финн хмурит брови. – Можно сказать, меня кинули. Ты точно не пойдешь?

Мой внутренний голос издает протяжный стон, потому что я никак не могу назвать себя фанаткой «Quid Pro Quo», но Финн ждал этого концерта несколько месяцев. У меня нет ни единой причины отказать ему.

В этот момент в комнату входит мама, чем оказывает мне неоценимую услугу.

– Я пойду с тобой, – вызывается она, а Финн вскрикивает:

– Ага! – Он бросает на меня взгляд сверху вниз. – Ты прозевала свой шанс, Калла. Вот это мы сегодня зажжем!

Я не могу совладать с улыбкой, которая слегка касается моих губ, когда они вместе выходят из комнаты. Удивительно, как любая мелочь может сделать его настолько счастливым, да и большинство парней нашего возраста ни за что на свете не пошли бы на концерт с мамой. Но Финн не большинство.

Я устраиваюсь поудобнее на подоконнике, упираясь лбом в холодное стекло и глядя, как уносятся по шоссе вдаль фары их машины.

Милый Финн.

Особенно теперь, после того, что Дэр сказал мне… после его признания я так остро нуждаюсь в своем брате.

Нас с Финном невозможно разлучить. Теперь я осознаю это отчетливее, чем когда-либо прежде. Мы должны защищать друг друга. Мы должны поддерживать друг друга.

Я беру в руку телефон.

Мама должна знать об этом, а когда они вернутся домой, может быть уже слишком поздно. Это не может ждать.

Но мама не хочет ничего слышать прямо сейчас. А затем до меня доносится ее крик.

Настолько громкий и пронзительный, что у меня звенит в ушах.

– Мама? – зову я, в то время как ледяной ужас пробегает по моей спине.

Я не получаю никакого ответа.

– Мама! – настойчиво повторяю я, ощущая, как нарастает мой страх.

Но мне снова никто не отвечает.

Все вокруг меня приходит в движение: образы, запахи, звуки. Где-то в глубине души я уже знаю, что она больше никогда мне не ответит. Перед моими глазами возникает ее лицо, все в крови, израненное.

Я теряю способность дышать, потому что знаю, что ее больше нет, а мои ноги тем временем сами несут меня на крыльцо. Перед глазами предстают клочья пепла, устремившиеся в небеса и покрывшие густым слоем дорогу и нашу гору.

Я вижу все слишком четко и просто бессильно опускаюсь на ступеньки около входа в наш дом, беру в руку телефон.

Я все понимаю, чувствуя, как тошнота подкатывает, словно безумная волна, и мир вокруг меня вращается с бешеной скоростью.

Я замечаю боковым зрением, как Дэр медленно идет ко мне по тропинке, его лоб в крови.

Я все осознаю, когда он останавливается передо мной, весь израненный.

– Калла, с тобой все в порядке? – спрашивает он, положив руку мне на плечо.

На его пальцах тоже кровь.

– Все нормально? – настаивает он.

Я сама не понимаю, как мне удается повернуть к нему голову, чтобы просто взглянуть на того, кого я так сильно люблю, так страстно ненавижу и так панически боюсь. Правда, среди крови и дыма есть только одно, что волнует меня в этот момент.

Единственный вопрос.

– Что случилось? – официальным тоном спрашиваю я – Это все – какая-то бессмыслица.

– Ты и сама все уже поняла. – По его лбу стекает капля крови.

Но поняла ли я на самом деле?

Внезапно до меня доходит, что я не понимаю ровным счетом ничего.

Все теряет смысл.

Мои мысли оказываются разорванными на мелкие кусочки.

– Где Финн? – двигаются мои губы, задавая бессмысленный вопрос.

Дэр смотрит на меня в упор, в его темных глазах читаются твердость и настойчивость.

– Нужно срочно позвонить в «Скорую».

Я замираю на месте, и Дэру ничего не остается, кроме как выхватить телефон у меня из рук и с сумасшедшей скоростью набирать какие-то цифры на экране.

Звук его голоса смешивается с ночной тьмой, когда он говорит с диспетчером, но одна фраза безапелляционно вклинивается в мое сознание.

«Несчастный случай».

Я жду, пока он закончит, пока он сбросит вызов и наконец посмотрит мне в глаза. И только после этого я решаюсь заговорить.

– Значит, это правда? – спрашиваю я, чувствуя, как дрожит мой голос, тонкий и слабый, – это был несчастный случай?

Он закрывает глаза.

Глава 1

Все будто в замедленной съемке.

Плеск волн о скалы, движение губ Дэра, его слова. Я внимательно смотрю на него, на темную линию щетины вдоль подбородка, на то, как он нервно сглатывает. Я чувствую, как меня пронзает его темный взгляд, сковывает меня, приводя в оцепенение.

– У тебя остался только один вопрос, Калла, – напоминает он мне, – так задай его.

Весь прошедший год пролетает у меня перед глазами, расплывается, распадается на куски. И во всех этих воспоминаниях присутствует Дэр. Он был со мной все это время, любил меня и поддерживал.

Или нет?

Мои губы дрожат, когда я пытаюсь пошевелить ими.

– Как ты оказался там той ночью? – наконец задаю вопрос я, тщательно подбирая слова. – Тебя не должно было там быть. Но ты все же был.

Дэр отвечает мне встречным вопросом, настороженно глядя на меня.

– Какой ночью, Калла?

Я безмолвно смотрю ему в глаза.

– Ты прекрасно понимаешь, о какой ночи я говорю. Той ночью. Ночью, когда погиб мой брат.

В его взгляде на секунду что-то меняется, но затем он снова берет себя в руки.

– Теперь ты вспомнила? Помнишь, сколько крови было тогда на моих руках?

Но я лишь мотаю головой из стороны в сторону, медленно пытаясь справиться с потрясением. И вовсе не потому, что не помню, а потому, что не имею никакого желания вспоминать.

– Тогда было очень много крови. – Я собираю осколки того момента, в моей голове появляется картинка, как кровь стекает по вискам Дэра на его футболку. Его одежда становится багровой, красная клякса расплывается по ткани на его груди. – Я не могла понять тогда, твоя это кровь или… Финна.

Внезапно я осознаю, что на долю секунды у меня совсем вылетело из головы, что до этого Дэр в чем-то признался мне.

Я и забыла, как чертовски меня напугала эта новость.

Потому что среди всей этой крови я видела только страх потерять его, потому что, да поможет мне Бог, я так сильно люблю его.

– Ты держал меня, – мои губы задрожали, – когда я была готова упасть. Ты был со мной, пока я ждала звонка от… Финна.

Я так ждала, что Финн позвонит мне!

Я ждала, и ждала, и ждала…

Сирены выли в глухой ночи, пока я измеряла комнату шагами.

Финн так и не позвонил.

Дэр кивает:

– Я всегда буду поддерживать тебя, Калла.

– Когда пришел отец и сказал… когда он рассказал мне про Финна, все остальное стерлось. – Я восстанавливаю в памяти полную картину, уставившись на океан. Боже, почему океанские воды всегда заставляют меня чувствовать себя такой крошечной? – Все остальное перестало иметь для меня какое-либо значение. Все, кроме него, потеряло всякий смысл. Ты просто скрылся где-то в

глубинах моего сознания, Дэр.

Правда слишком безжалостна.

Эта правда причиняет мне невыносимую боль.

Мне кажется, что для того, чтобы она улеглась в моей голове, мне нужно разорвать свою плоть, заставить ее пройти сквозь мои мышцы и пробежать кровью по венам.

Дэр закрывает глаза. Свои сияющие черные глаза.

– Я знаю, – мягко говорит он, – ты забыла меня. На несколько долгих месяцев.

Мы знаем это. Мы оба. Вот поэтому мы и стоим сейчас здесь, у подножия океана, пытаясь восстановить мою память по крупицам. Слишком долго она томилась в мутных водах сознания.

Я неистово цепляюсь за самые потаенные клочки воспоминаний, пытаясь собрать все воедино. Но они отчаянно сопротивляются. Наверное, они никогда не вернутся ко мне полностью.

Но одно все же не ускользает от моего цепкого ума.

Мои глаза горят, когда я пытаюсь сфокусироваться на Дэре.

– Ты в чем-то признался мне. И это меня напугало.

Его веки кажутся тяжелыми от чувства вины.

Он кивает. Одно обрывистое, короткое движение.

– Ты помнишь, что я сказал тебе тогда?

Он замолкает, его взгляд прикован ко мне, прожигает насквозь.

Я ныряю вглубь своих воспоминаний: быстро, быстро, еще быстрее… Но возвращаюсь на сушу без какого-либо улова. Мной движет только одно чувство.

Страх.

Дэр видит это по выражению моего лица и отводит взгляд в сторону.

– Я пытался рассказать тебе обо всем, Калла, – произносит он почти умоляюще, – просто ты поняла меня неправильно.

Его голос обрывается, и мне кажется, что мое сердце остановилось.

– Что именно я неправильно поняла? – Голос звучит слишком официально. – Просто скажи мне это.

Он поднимает на меня глаза.

– Это совсем не сложно понять, – просто произносит он, – если ты вспомнишь все, что я говорил тебе. Давай попробуем?

Я отвечаю ему бессмысленным взглядом.

– Я уже пыталась. Я… я потеряла нить, Дэр.

Он опускает голову совсем чуть-чуть, почти незаметно, но я улавливаю это движение. Он разочарован, и, кажется, у него больше нет сил предпринимать что-либо.

Однако он качает головой:

– Нет, Калла, оно должно быть там, это воспоминание. Тебе просто нужно расслабиться. Вот увидишь, оно вернется. Но сейчас ты должна знать, что здесь ты не в безопасности. Доверься мне.

– Ты здесь из-за меня, – говорю ему я, – это то, что я отчетливо помню. Все это время ты был здесь ради меня.

Дэр снова качает головой:

– Нет. В этом ты не права. У меня была своя причина приехать сюда, а потом цель изменилась: ею стала ты. Я могу поклясться жизнью моей матери.

– Твоя мать мертва, – жестко обрываю я его, – так же как и моя. И ты думаешь, что теперь я поверю тебе?

С его губ слетает вздох: рваный, надтреснутый звук. Он пытается коснуться моей руки, но я отдергиваю ее. Он больше не дотронется до меня. Только не теперь.

– Ты не понимаешь, – тихо произносит он.

Я смотрю в упор ему в лицо.

– Нет, не понимаю.

И у тебя нет ни малейшего представления о том, каково это.

– И все равно однажды это случится, – усталым голосом отвечает он – Богом клянусь, так и будет.

Комок негодования образуется в горле, пока ветер треплет мои волосы. Я глотаю свежий морской воздух, чувствую, как легкие наполняются его ароматом.

– Ты вообще когда-нибудь любил меня? – спрашиваю я, хотя каждое слово все сильнее сдавливает мое горло, потому что, несмотря ни на что, сейчас это для меня важнее всего.

Боль пронзает лицо Дэра, боль неподдельная, настоящая, а я всеми силами пытаюсь держать себя в руках.

Не делай этого.

Не делай этого.

Не делай этого.

Только не делай мне больно.

– Конечно, – отвечает он не раздумывая, его голос звучит уверенно. – И я продолжаю любить тебя.

В его глазах читается такая мольба, что мне отчаянно хочется верить ему. Я хотела бы услышать его слова и впечатать их глубоко в свое сердце, запереть их где-нибудь в золотой клетке моей души.

Но затем он продолжает:

– Ты в опасности, Калла. Теперь тебе придется поехать со мной. Есть кое-что, о чем ты должна знать.

В замешательстве я не могу пошевелиться, внутри все отзывается ноющей болью. Отправиться вместе с ним в Уитли? Теперь, когда я даже не уверена, знала ли я его когда-либо или нет, с человеком, которого, как мне кажется, следует опасаться? Все становится более и более запутанным, ничто вокруг не похоже на реальность.

Ничто, кроме двух вещей.

Я действительно должна признаться, что ощущаю опасность. Она словно скрывается во всем, что меня окружает. И это я сама стала причиной этого. Правда, я совсем не понимаю, почему именно.

Здесь небезопасно, Калла.

И конечно же, Дэр. Он здесь, со мной, и я люблю его.

Но.

Я не могу доверять ему.

Я больше не могу доверять никому.

– Я не знаю, что делать, – шепчу я отрывисто, – я бы хотела возненавидеть тебя, Дэр, за то, что ты лгал мне. Но не могу.

Я слишком запуталась, а он мой спасительный якорь.

Дэр хватает меня за руку и притягивает к себе, легко пресекая мои попытки вырваться, и в этот момент я чувствую, как мое сердце начинает таять.

Потому что здесь, окруженная запахом его тела, его теплом и силой… именно здесь мой дом, мое место. Как я могу бороться с этим?

– Твое место здесь, рядом со мной, – говорит он, а его губы касаются моих волос, – ты не можешь возненавидеть меня, Калла. Это не должно случиться. Я не лгал тебе. Я пытался тебе все рассказать.

В его голосе отчетливо слышится страх, неприкрытый ужас, и это задевает меня за живое, затрагивает некий уголок моей души, в котором я прячу свою любовь к нему. Тот уголок, где когда-то находилось мое сердце, прежде чем оно оказалось вдребезги разбито.

– Ты просто дьявол во плоти, – шепчу я ему в рубашку. Его руки в неистовстве гладят меня по волосам, спускаясь вниз по моей спине и прижимая меня крепко к его телу. – Почему ты не можешь просто рассказать мне обо всем прямо сейчас?

– Я не могу, – коротко бросает он, – потому что все слишком запутанно, и, если только ты не распутаешь все сама, ты решишь, что я монстр. Я люблю тебя, Калла. Я защищу тебя. Просто доверься мне.

Я отшатываюсь от него, собирая в кулак всю свою волю и храбрость.

– Довериться тебе? Да ты, должно быть, шутишь!

Он смотрит на меня в изумлении, мне же кажется, что весь мир рушится, пока я бегу вниз к побережью, мои ноги тонут в песке, а ветер треплет волосы.

Я люблю Дэра больше жизни, но не могу больше доверять ему. Единственный человек, которому я когда-либо могла смело и безотчетно доверять, теперь мертв.

Мне нужен мой брат.

Мне нужен Финн.

Я поднимаюсь вверх по тропинке, ведущей к моему дому, взбегаю по лестнице и направляюсь к комнате моего брата.

Она выглядит в точности так же, как в тот день, когда он ее покинул.

На ватных ногах я проскальзываю через дверной проем.

Стены обступают меня с четырех сторон, они надвигаются на меня, потолок словно падает на меня сверху, стараясь прижать к земле, поглотить меня, разбить на тысячи осколков. Я изо всех сил зажимаю уши руками, раскачиваясь взад-вперед, потому что, находясь в этой комнате, я все еще слышу голос своего брата.

Все будет в порядке. Все будет в порядке. Все будет в порядке.

Больше никаких голосов в моей голове.

Даже если это голос Финна.

Только не это.

Только не это.

Я нормальная, черт возьми.

Я по горло сыта ложью Дэра и собственным страхом… и тем, что я оказалась такой невыносимо хрупкой.

– Ее связь с реальностью слишком слаба.

Это бормотание прорезается через мое сознание сквозь начинающийся приступ паники.

Я замираю на месте, стараясь не дышать. Этот шепот слышится из-за закрытой двери.

– Нет, я не хочу делать это. Только не сейчас. – Шепот звучит настойчиво, и кажется, что он не из этого мира. Этого просто не может быть. Мое тело немеет, когда голос проникает в меня, унося мое сознание все дальше и дальше от реальности.

– Нам придется это сделать. Она не пойдет на это по своей воле.

В абсолютном замешательстве я смотрю на деревянные панели двери, вглядываюсь в их зернистую текстуру.

Неужели это все действительно наяву?

Или же это снова глупые игры моего сознания?

Я сглатываю и делаю резкий вдох.

– Все что угодно может вывести ее из себя, и она снова упадет вниз, – предупреждающе произносит до боли знакомый голос, низкий и осторожный.

Не может быть, чтобы это был он. Это невозможно.

Несмотря на то что я все еще горю желанием раствориться полностью в этом голосе, спрятаться в нем, утонуть в нем с головой.

Но я не могу.

Потому что ответ следует незамедлительно.

– Поэтому мы должны бережнее с ней обращаться.

Обращаться со мной?

Дверь передо мной открывается, и, глядя снизу вверх, я обнаруживаю на пороге три нависшие надо мной фигуры.

Мой отец.

Дэр.

И кто-то еще, кого я не могу разглядеть, безликий силуэт, скрытый в тени. Я пытаюсь приблизиться, чтобы убедиться, что это он, несмотря на то что в глубине души я прекрасно понимаю, что это не может быть Финн.

Это невозможно.

Я отклоняюсь назад до тех пор, пока моя спина не оказывается плотно прижата к постели моего брата. Я словно маленький испуганный олененок, а они охотники. Мне остается лишь молиться, потому что я в опасности, но причину этого я понять не могу.

Только они понимают.

– Калла, – произносит мой отец мягко и успокаивающе, – все в порядке. Все в порядке. Я просто хочу, чтобы прямо сейчас ты доверилась мне.

Его лицо словно превратилось в кусок камня, стало мертвенно-бледным. Я перевожу свой взгляд на Дэра и замечаю, что его руки крепко сжаты в кулаки, а костяшки пальцев побелели. Воздух в комнате будто пронизан электрическим напряжением и опасностью настолько, что я с трудом могу дышать.

Я беру себя в руки.

В глубине моего живота зарождается какое-то чувство, и оно говорит мне, что я не могу верить никому.

Я крепко смыкаю веки и зарываюсь в одеяло Финна. Сквозь плотную ткань до меня доносятся приглушенные голоса. Я чувствую руку Дэра на своем плече. Его низкий голос отдается вибрацией где-то внутри моей груди.

А затем я понимаю, что он исчез.

Я открываю глаза.

Комната пуста.

Они оставили свои попытки.

Что бы они ни хотели сказать мне тогда, сейчас я в безопасности.

Потому что я одна.

Я встаю с постели и на дрожащих ногах подхожу к ночному столику Финна. Взяв в руки его медальон с образом святого Михаила, надеваю его на шею.

Сжав его в своих ладонях, я читаю молитву, каждое слово с трепетом вырывается из моего рта и застывает на губах.

Святой архангел Михаил, спаси нас в этой битве. Защити нас от слабости и проделок дьявола. Ему не устоять против Бога нашего, которому мы смиренно молимся. Помоги нам в этом, о князь сил небесных, наделенный Божьей силой. Свергни же в преисподнюю Сатану и все злые силы, что рыскают по миру в поисках сломленных душ. Аминь.

Я повторяю молитву три раза подряд.

Теперь я в безопасности.

Теперь я в безопасности.

Теперь я в безопасности.

Теперь я в безопасности. На мне медальон Финна. Я под защитой.

Я чувствую, как все дрожит и клокочет у меня в груди, когда я наконец вздыхаю с облегчением. Но как только я это делаю, дверь со скрипом открывается, и я снова оказываюсь лицом к лицу с моим безумием.

Мои и без того испуганные глаза распахиваются еще шире, узрев невозможное.

Финн.

Мой погибший брат.

Стоит на пороге своей комнаты.

Глава 2

– Ты в порядке? – торопливо спрашивает Финн, его взгляд устремлен прямо на меня, а его губы двигаются, хотя я точно знаю, что он мертв.

Он видит мою панику, он чувствует мой ужас. Потому что брат знает меня лучше, чем кто-либо из ныне живущих.

Быстрыми шагами он пересекает комнату и оказывается передо мной, опускаясь на колени, я чувствую холод его ладоней, когда он берет в них мои руки.

Святой архангел Михаил, спаси нас в этой битве.

Это не может быть он. Но я не могу отрицать того, что прямо перед глазами я вижу бледные пальцы Финна, едва заметное родимое пятно на костяшке среднего пальца: я точно знаю, что это он. Я видела это родимое пятно сотни раз, я узнаю эти руки среди тысячи других.

– Финн. – Мне наконец удается произнести хоть что-то, хотя и это всего лишь тихий шепот.

Он кивает. Я снова ощущаю его тепло. В замешательстве я провожу рукой по его груди и обнаруживаю ответ на все свои вопросы. Своей ладонью я чувствую биение его сердца, настоящее, мощными ударами отдающееся сквозь его тонкую грудную клетку.

Бум.

Бум.

Бум.

Нет.

Этого не может быть.

– Может, – снова кивает он, и я понимаю, что только что произнесла это вслух.

Защити нас от слабости и проделок дьявола.

– Я сумасшедшая? – спрашиваю я обессиленно, все чувства, которые были в моем теле, покидают меня.

Все мои конечности немеют. Я словно превращаюсь в деревянное изваяние. Я будто губка, лишившаяся всех ощущений, и я впитала в себя все то безумие, в окружении которого я находилась всегда, сама лишилась рассудка. Это единственное разумное объяснение происходящего.

Финн протягивает свою тощую руку и обнимает меня за плечи, и я всем своим обмякшим телом прижимаюсь к его груди, мое ухо находится на уровне его сердца, не оставляя у меня больше никаких сомнений.

Бум.

Бум.

Бум.

– Это невероятно.

Все, что я произношу, я могу говорить только шепотом. Даже эти два слова.

– Теперь ты не можешь доверять собственным глазам, Калла, – торжественно заявляет он, а его голубые глаза, такие до боли знакомые, буквально светятся чистотой и ясностью, – но ты должна поверить мне.

Я так и поступлю, потому что он единственный, кому я могу доверять.

И он это отлично знает.

Но…

Это слишком далеко от реальности. Моя реальность – это смятая, словно кусок бумаги, красная машина, а еще белый надгробный камень. Сладких снов, милый Финн.

И те стрекозы, и тот солнечный свет тогда. Кладбище и слезы.

Ему не устоять против Бога нашего, которому мы смиренно молимся. Помоги нам в этом, о князь сил небесных, наделенный Божьей силой. Свергни же в преисподнюю Сатану.

– Как такое вообще возможно? – спрашиваю я дрожащим голосом, боясь поверить тому, что я вижу, боясь, что хоть капля надежды поселится в моем сердце.

Финн смотрит в сторону, а его руки все еще сжимают мои.

И все злые силы, что рыскают по миру в поисках сломленных душ. Аминь.

– Потому что просто так есть, – твердо произносит он, – я не могу рассказать тебе всего. Ты должна прийти к этому сама. Но я уверен, тебе это удастся, Калла. У тебя все получится.

О Боже, только не опять. Снова это «я не могу рассказать тебе это, потому что правда уничтожит тебя».

В моей груди образуется вакуумная пустота.

Мое дыхание ускоряется.

Я не могу сделать это снова.

Только не это.

Это уже слишком.

Финн видит выражение моего лица и ловит меня, когда я уже готова упасть ему на грудь, обмякшая и обессиленная. Ему всегда удается поймать меня в самый нужный момент.

– Твое сознание – потрясающая штука, – уверяет меня он, – это не проклятие, а дар.

Он так хорошо знает меня! Он понял, о чем я думаю.

– Ты настоящий? – спрашиваю я шепотом, прикрыв глаза.

В ответ он лишь улыбается.

Это последнее, что я вижу.

Затем все погружается в безмятежную, благодатную тьму.

Слава тебе, святой Михаил!

Когда я просыпаюсь, вокруг все еще темно. Длинные тени ниспадают на пол, но очень быстро я осознаю, что я больше не в комнате Финна. Я уже в другой постели, на мне моя пижама, а чистые простыни обвились вокруг моей руки.

Я бросаю взгляд на потолок, осматриваю стены, длинные силуэты теней и только потом замечаю фигуру, сидящую около моей кровати, до сих пор спрятанную от меня под покровом тьмы.

– Финн? – спрашиваю я тихо, надеясь, что это снова окажется мой брат.

Но отвечает мне голос, который я совсем не ожидаю услышать.

– Как ты, цветок каллы?

Дэр.

Конечно же. Это не может быть Финн, потому что он мертв.

Я сглатываю, а Дэр тем временем наклоняется вперед, его подбородок освещает лунный свет, а глаза сияют потусторонним блеском.

– Ты настоящий?

Мои слова вырываются из моего рта шепотом.

Он улыбается мне своей фирменной улыбкой, которая как бы говорит: «Попробуй, дерзни».

– Но ведь я здесь, рядом с тобой. Разве ты не видишь? – тихо отвечает он.

– Теперь это больше ничего не значит, – бормочу я слабым голосом, – я больше так не могу, Дэр. Я ничего не понимаю.

– Я потерял тебя. – Дэр встает со стула и становится передо мной на колени, его лицо выражает абсолютную искренность, а его взгляд мрачен и полон страдания. – Я потерял тебя. Но я все исправлю.

– Как? – шепчу я, хотя совсем не уверена, что хотела бы знать ответ. – Почему ты потерял меня? Что ты сделал?

Я не могу.

Я не могу услышать это.

Я не могу услышать это, иначе это убьет меня.

Мое сознание – это пустынное ущелье, продуваемое лишь свежим морским ветром, который уносит из него все лишнее и чужеродное. И я хотела бы поймать хотя бы кусочек, но не могу.

Дэр держит меня за руку.

Его пальцы слегка дрожат, и я внезапно ясно понимаю, что я должна сделать прямо сейчас.

Я должна отступиться от человека, которого люблю всем сердцем.

Я должна.

Я должна.

Я должна.

Потому что иначе я этого не переживу.

Мое сознание достаточно гибкое, и я уверена, что смогу с этим справиться.

– Я совершил нечто страшное, – признается он, чеканя каждое слово, – я не могу даже надеяться на то, что ты сможешь меня простить. Но я должен все исправить. И чтобы сделать это, мне понадобится твоя помощь. Тебе придется помочь мне, Калла. Помоги мне спасти тебя!

Спаси меня, и я спасу тебя.

Не так ли?

Я чувствую это… Я чувствую… Чувствую…

Я чувствую, как меня с головой накрывает волна дежавю. Как закипают внутри эмоции, предчувствие чего-то, что я давно знаю, но не могу вспомнить.

– Что же ты наделал? – спрашиваю я, пытаясь пробраться сквозь обрывки своих мыслей. – От чего меня нужно спасти? От тебя? Я не думаю, что нуждаюсь в спасении.

– Ты ошибаешься, – настаивает он, а в его глазах читается мольба, – я могу помочь тебе.

Я встряхиваю головой, но каждое движение дается мне с трудом.

– Есть только один способ, – шепчу я, ощущая, как каждое произнесенное слово прожигает душу насквозь, – ты должен оставить меня в покое, Дэр. Тебе нужно отпустить меня. Я больше так не могу. Я больше не могу жить среди всех этих секретов.

– Но ведь ты любишь меня, – говорит мне Дэр, и я под его взглядом будто рассыпаюсь на мелкие осколки.

– Да, это правда, – бормочу я, отбрасывая все сомнения прочь, – но я не думаю, что сейчас этого достаточно. Я вот-вот сломаюсь, Дэр. Я готова сломаться в любую минуту.

Я прижимаю колени к груди, стараясь смотреть в сторону, но только не ему в глаза, и делаю глубокий вдох, хотя в моей груди все дрожит.

– Я знаю, это прозвучит безумно, – соглашаюсь я, – я это понимаю. Но ничего не могу поделать с тем, что чувствую. Мне нужна защита от тебя. Я уверена в том, что поступаю правильно. Мое сердце подсказывает, что тебя нужно опасаться.

И это действительно так. Оно говорит мне, что в этом и есть корень проблемы.

Это ощущение пронизывает все мое тело, превратившееся в пустынное ущелье.

Дэр закрывает глаза, проходит около минуты, прежде чем он открывает их снова, и когда это наконец происходит, я вижу в них пустоту и горечь утраты.

– Хорошо, – только и произносит он, – ты хочешь защититься от меня. Черт возьми, я даже готов помочь тебе в этом. Только поезжай со мной в Уитли. Там ты найдешь все ответы на свои вопросы. Там у тебя будет твое личное пространство, ты обретешь гармонию и спокойствие, и, вот увидишь, ты пойдешь на поправку, Калла.

– Так, значит, все ответы в Уитли?

Я смотрю в упор на Дэра, на его тело, которое я так люблю, в его глаза, в которых я утопаю, пытаюсь узреть его душу, что так притягивает меня… и в которой прячется так много тайн.

Он кивает, но выглядит это так, словно даже такое простое движение дается ему с трудом. Ему совсем не хочется ехать в Уитли, но он готов отправиться туда ради меня.

– Твой отец тоже хочет, чтобы ты съездила туда, – добавляет он, – сделай это хотя бы ради него.

Но могу ли я это сделать?

Всеобъемлющее чувство неизбежности и наваждения сковывает меня, словно заставляя меня преклонить перед собой колени. Я не знаю. Все, что я отчетливо понимаю сейчас, – это то, что если я не найду там все ответы, то, вероятно, я окончательно лишусь здравомыслия.

Все ответы в Уитли.

Я выдыхаю, только теперь осознав, что несколько секунд я не дышала.

– Хорошо, я поеду.

Я сделаю это, чтобы найти ответы и ради моего отца. Потому что ему уже пришлось через многое пройти ради меня. Он не должен видеть, как я распадаюсь на части.

Дэр прикрывает свои прекрасные глаза.

– Я люблю тебя, Калла.

Душевная боль пронизывает меня насквозь до такой степени, что ощущается почти физически, так сильно, будто мое сердце может остановиться в любую секунду.

– Я знаю.

Но я не думаю, что этого достаточно.

Однако я не произношу этого вслух.

Потому что он и так все понимает. Я вижу это по страданию на его лице.

Мне до боли хочется протянуть руку и коснуться его, успокоить и поддержать.

Но я не могу.

В нем есть что-то пугающее.

И пока я не узнаю, что именно, мне нужно держаться на расстоянии.

Это мой единственный способ выжить.

Глава 3

Перелет кажется мне очень долгим, несмотря на то что мы в первом классе.

Стюард уделяет мне особое внимание, принося одеяло, теплую одежду и прохладительные напитки в течение всего пути. А тем временем атмосфера между мной и Дэром все больше накаляется.

Я люблю его, но теперь он стал для меня незнакомцем.

Сидя в широком кожаном кресле рядом со мной, он пытается завязать диалог, вытащить меня из моей раковины, но я пресекаю все его попытки.

Это доставляет мне нестерпимую боль, никогда бы не подумала, что смогу превозмочь такое, но мне приходится.

И я должна справляться с этой болью, пока не узнаю, что он скрывает от меня.

И я готова поклясться, что ему тоже больно. По крайней мере, действую я весьма безжалостно. Безжалостно по отношению к нам обоим. Но над моей головой нависло нечто огромное, черное и пугающее, и я не должна позволить этому обрушиться на нас.

Все зависит от меня. Я знаю это наверняка.

Но что значит все? Я не знаю.

Стюардесса с идеальным макияжем наклоняется ко мне:

– До нашего приземления в Хитроу осталось несколько минут. Могу ли я еще чем-то вам помочь?

Да, принесите мне, пожалуйста, мой рассудок.

Я встряхиваю головой, и она уходит. Спустя некоторое время мы оказываемся в многолюдном аэропорту. Дэр придерживает меня рукой за локоть, и, несмотря на то что мне совсем этого не хочется, я стряхиваю ее прочь.

Его губы плотно сжаты. Он наклоняется к моему уху:

– Здесь небезопасно, Калла. Нравится тебе это или нет, сейчас тебе нужно держаться поближе ко мне.

Я слишком ошеломлена, поэтому позволяю ему взять себя под руку.

Здесь небезопасно.

Все вокруг меня проносится, словно в тумане, когда мы подходим к высокому мужчине в черном костюме водителя, ожидающему нас в конце коридора. У него седые волосы и крупный нос, лицо худое, на нем читается внутренняя сила, но, когда он замечает меня, его лицо озаряется улыбкой. Однако он сразу переводит взгляд на Дэра, мгновенно вспоминая о сдержанности.

– Мистер Дюбрэй, – кивает он, когда мы оказываемся вровень с ним, и на секунду мне кажется, что он перепутал нас с кем-то другим.

Но Дэр отзывается:

– Надеюсь, машина поблизости, Джонс. Мы слишком устали после перелета.

Губы мужчины плотно сжаты.

– Автомобиль ждет вас снаружи, сэр.

Почему-то у меня возникает ощущение, что эти слова Дэра должны были задеть его. Но мгновением позже он подхватывает наши сумки, и мы следуем за ним на парковку, где стоит элегантный черный лимузин. Он длинный и блестящий: раньше мне никогда не доводилось ездить на лимузине. Мои глаза расширяются от удивления.

Я никогда не задумывалась о благосостоянии своей семьи.

До сегодняшнего дня я была девочкой, принадлежащей к среднему классу, отец которой работал гробовщиком. Мы делили дом с похоронным бюро, поэтому Финн и я всю жизнь были предметом насмешек для большинства наших одноклассников. Мы всегда были окружены смертью, мы были одиноки на вершине нашего холма, чудики.

Но здесь… здесь… я думаю, здесь все совсем по-другому.

Наверное.

– А вы, должно быть, Калла, – окидывает меня взглядом Джонс, взяв в руки мою сумку.

Я киваю:

– Да.

– Вы выглядите в точности как ваша мать, – говорит он мне, и на секунду в его взгляде снова мелькает искорка теплоты.

Я сглатываю, потому что скучаю по ней, потому что я бы все отдала за то, чтобы она оказалась сейчас здесь, со мной.

– Добро пожаловать в Англию.

– Спасибо, – неловко бормочу я, пока он открывает передо мной дверь и загружает наши чемоданы в багажник.

Как только автомобиль трогается с парковки, я прижимаюсь лбом к оконному стеклу, пытаясь вытеснить все гнетущие мысли из головы.

Я вовсе не одинока.

Я не потеряла своих мать и брата.

Я не должна забыть человека, которого люблю.

Я так усиленно думаю об этом, словно мои мысли способны в один миг все изменить.

Но опыт подсказывает мне, что это не сработает, как не сработало в миллионе других случаев, когда еще в школе я пыталась таким образом спрятаться от насмешек и издевок.

Это не помогало тогда – не поможет и сейчас.

И вот я все еще здесь, в Англии, я все так же одинока, мне грозит некая опасность, хотя я и не знаю, какая именно. Мой любимый сидит рядом со мной, хотя с таким же успехом он мог бы быть за тысячи километров… ведь я больше не могу доверять ему. Потому что мой разум слишком хрупок: настолько, что даже я сама это осознаю.

И поскольку я не могу заставить всю эту ситуацию просто взять и раствориться, стараюсь сконцентрироваться на лучшей части происходящего.

Я еду прочь от своих печалей, туда, где я смогу просто побыть в тишине. Там я смогу лучше понять себя, наладить свой внутренний механизм, получить ответы на все свои вопросы.

В окружении роскоши я еду из аэропорта. На этом я пытаюсь сфокусировать внимание.

Если бы Финн был сейчас здесь, он бы пришел в восторг от этой роскошной машины, от воды в красивых бутылочках, помещенных в ведра со льдом, или от аккуратно свернутых полотенец. Нас никогда так не баловали, и, с комом в горле, я внезапно понимаю, что это совсем не честно, что Финна здесь нет.

Потому что у него больше никогда не будет такой возможности.

Если Финн не может все это увидеть, то и я тоже не имею на это никакого права.

Я борюсь с желанием выпить воды из бутылки или взять полотенце, свернутое в плотный рулон, и даже съесть маленькую шоколадную конфету с мятной начинкой. Я не заслуживаю ничего из этого.

Открываю глаза и смотрю в окно, наблюдая, как городская суматоха сменяется спокойствием окраин.

– Давай поедем более живописным путем, Джонс, – просит водителя Дэр.

Джонс ничего не отвечает, но изменяет маршрут, и через некоторое время перед моими глазами сквозь скалы и деревья здесь и там начинают мелькать проблески океана.

– Мы живем поодаль от Хастингса, ближе к Сассексу, – говорит мне Дэр так, будто бы я знаю хоть что-то об английской географии.

Я киваю, словно все это мне хорошо известно, потому что теперь вынуждена притворяться. А тем временем мы продолжаем двигаться дальше.

Спустя полчаса машина все еще скользит по раскинувшейся гладкой лентой дороге, но в отдалении между кронами деревьев уже маячит крыша здания с башенками и шпилями.

Дэр выходит из своей дремоты, открывая глаза, так я понимаю, что мы почти на месте.

Я вытягиваю вперед шею, чтобы получше разглядеть дом. И когда мне это наконец удается, я замираю в безмолвии, потому что это зрелище заставляет вдох застыть на моих губах.

Это просто не может быть их фамильный особняк.

Он огромный, впечатляющий и ужасающий одновременно.

Старинный, возведенный из камня, невыразимо прекрасный.

Высокая стена простирается в обе стороны так далеко, насколько я могу видеть, окутывая все владения подобно огромному защитному покрывалу. Это здание настолько гигантское и тяжеловесное, что на мгновение у меня закрадывается мысль, не должно ли оно было служить укреплением когда-то давно… Или же оно, наоборот, стало тюрьмой для тех, кто внутри?

Но это всего лишь мои странные мысли.

Когда мы сворачиваем с дороги, железные створки ворот распахиваются прямо перед нами, как будто подчиняясь какому-то магическому заклинанию или словно их отпирают чьи-то невидимые руки. Туман закручивается в витиеватые облака прямо над землей и поднимается к ветвям деревьев, из-за чего я не могу до конца разглядеть то, что находится по ту сторону изгороди.

Несмотря на пышно растущую здесь траву, все это место окутано чем-то гнетущим, темным. И это гораздо больше, чем просто непрерывный дождь или нависшие облака.

Нечто неосязаемое.

Меня наполняет необъяснимый ужас, когда машина проскальзывает сквозь ворота и движется по дороге, которая скрывалась от глаз за слоями густого тумана. И вот мы оказываемся около дома. Вблизи он выглядит не просто огромным, а скорее ужасающим.

Я пытаюсь ухватить его взглядом сквозь ветви деревьев, и каждый раз мне приходится задерживать дыхание.

Высокая крыша с отвесными скатами.

Колонны и шпили, покрытые мхом.

Капли дождя стучат по крыше автомобиля, падают на дорогу, заставляя все вокруг сиять в преломленных лучах света.

Здесь сыро и серо. Единственное слово, которое вертится в моей голове, когда я рассматриваю этот пейзаж, – готика.

Готика.

Несмотря на все великолепие и экстравагантность этого места, оно не перестает казаться мне менее пугающим.

Пока мы подъезжаем к зданию, я считаю удары своего сердца. Мне удается дойти до пятнадцати, когда лимузин наконец останавливается на огромной

круговой парковке, мощенной булыжником.

Возвышающееся перед нами здание возведено из камня, и, кажется, оно простирается до самой линии горизонта. Его темные окна всех возможных форм и размеров взирают на меня сверху.

Аккуратно подстриженные газоны, невероятных размеров особняк, ухоженные сады. Грозовые тучи вздымаются над массивным строением, и здесь есть только одно, что я знаю наверняка: ужасающий этот дом или нет, но сказать, что он роскошный, – значит, не сказать ничего.

– Значит, моя семья богата? – нелепым эхом звучит мой вопрос.

Дэр бросает на меня беглый взгляд:

– Ты не представляешь себе насколько.

Он делает паузу, и мы словно оказываемся на мгновение соединены невидимой нитью. Но в то же время эта нить связывает нас по рукам и ногам, не давая нам быть вместе.

– Калла, не теряй бдительности, – быстро произносит он, – это место… вовсе не то, чем кажется. Тебе нужно…

Джонс открывает дверь, и Дэр останавливается на полуслове.

Что мне нужно?

– Добро пожаловать в Уитли, – говорит мне Джонс с легким поклоном.

Мы с Дэром выходим из машины, и внезапно я чувствую, что сильно нервничаю.

Я в чужой стране готовлюсь встретиться лицом к лицу со своей семьей, состоящей полностью из незнакомцев: я не знаю о них ровным счетом ничего.

Это обескураживает.

Дэр коротко пожимает мою руку, а я не сопротивляюсь. Потому что здесь я совсем одна.

Здесь Дэр единственный, кого я знаю.

Здесь он один знает меня.

Джонс идет впереди с нашими сумками в руках, и еще до того, как мы достигаем главного входа, двери распахиваются перед нами, а на пороге стоит невысокая женщина с лицом, испещренным морщинами. У нее оливковая кожа, а ее спина сгорблена, но в ее теле теплится угасающее пламя жизни. Голова женщины полностью покрыта цветастым платком, завязанным в узел на затылке. Должно быть, ей около ста лет.

– Сабина! – Дэр приветствует пожилую женщину, заключая ее в теплые объятия.

Она в ответ поглаживает его рукой по спине, а ее голова едва ли достает до его груди.

– С возвращением, мой мальчик, – произносит она глубоким серьезным голосом, – я скучала по тебе.

Дэр отстраняется от нее и бросает взгляд на меня, и по его лицу я вижу, что Сабина очень важный человек. По крайней мере, для него.

– Это Сабина. Она была моей няней, когда я был ребенком. И няней твоей мамы тоже. Сабина, это Калла Прайс.

Женщина смотрит на меня с любопытством и печалью.

– Ты живая копия своей матери, – говорит она мне.

– Я знаю, – отвечаю я, ощущая острый укол в сердце, потому что моей мамы больше нет, – рада познакомиться с вами.

Я протягиваю ей руку, но вместо рукопожатия она просто обхватывает ее своей. Ссутулившись, она будто исследует ее, в то время как ее лицо находится всего в

нескольких дюймах от моей ладони. Она крепко вцепилась в меня, словно не желая отпускать, и я чувствую, как пульсируют мои пальцы в этом затянувшемся рукопожатии.

Мне остается лишь ждать в замешательстве.

Я не знаю, как себя вести.

Эта маленькая старушка оказывается неожиданно сильна: я чувствую силу ее хватки, пока она ищет что-то на моей руке. Ее пальцы скользят по венам и изгибам моей ладони, а я кожей ощущаю ее теплое дыхание. Ее лицо находится так близко к моей ладони, что я чувствую каждый ее выдох.

Если бы Финн был здесь, он смеялся бы над этим до слез.

Но его здесь нет, поэтому мне не с кем разделить смехотворность этого момента, потому что, как бы ни противился этому Дэр, он тоже является его частью. Он один из них, а я – нет.

Внезапно Сабина отпускает мою руку и распрямляется.

Она смотрит на меня, и я вижу сотни жизней в ее глазах. Они обсидиново-черные и, в отличие от глаз большинства пожилых людей, не поблекли с возрастом. Старушка продолжает смотреть на меня в упор, и я буквально кожей чувствую, как она ныряет в мою голову, читая все мысли и исследуя мою душу.

Это навевает на меня тревогу, мурашки пробегают по моей спине, загоняя меня в тупик.

Затем она бросает взгляд на Дэра и едва заметно кивает.

Если бы я не знала его, я бы подумала, что он поежился.

Что за чертовщина?

Но у меня нет времени на раздумья, потому что Сабина уже уходит в глубь дома, увлекая нас за собой.

– Идем. Элеанора уже ждет вас, – уверенно говорит она нам из-за плеча, приложив немалые усилия, чтобы открыть массивную переднюю дверь.

Дэр вздыхает:

– Я думаю, нам не помешало бы отдохнуть для начала. Перелет был долгим, Сабби.

Взгляд няни выглядит сочувствующе, но она не дает нам поблажек.

– Прости, Дэр. Она настаивает на том, чтобы вы пришли к ней вдвоем.

Дэр снова вздыхает, но нам остается лишь послушно следовать за ней сквозь пугающие коридоры. Мы ступаем по мраморному полу и пушистым коврам вдоль стен, отделанных красным деревом, и мимо окон с экстравагантными шторами под сияющими хрустальными люстрами. Мои глаза все больше и больше расширяются, по мере того как мы заходим все дальше и дальше в дом. Я никогда в жизни не видела такой дом, даже по телевизору.

Но, несмотря на все свое богатое убранство, он выглядит пустынным.

Здесь слишком тихо.

Жизнь здесь, наверное, похожа на жизнь в мавзолее.

Наконец мы останавливаемся перед массивными дверями из дерева, украшенными резными узорами. Сабина стучит по ним дважды, и изнутри раздается женский голос:

– Войдите.

Как это жутко официально!

Сабина открывает перед нами двери, и мы незамедлительно оказываемся внутри ошеломительно огромного кабинета, богато расписанного во все возможные цвета. По всем стенам по кругу идут деревянные полки, полностью уставленные

книгами в кожаных переплетах.

За тяжелым письменным столом спиной к окну восседает женщина.

На ее лице написана твердость, а ее волосы потеряли былую яркость, но я вижу, что когда-то они были рыжими. Они собраны в строгий шиньон, ни единый волосок не выбивается из прически. Ее кашемировый кардиган застегнут на все пуговицы и украшен одной единственной жемчужной нитью, а ее руки сложены перед ней на столе. Она ждет.

Ждет нас.

Как долго она ждала? Месяцы? Годы?

По какой-то необъяснимой причине я чувствую, что начинаю задыхаться. Стены словно сжимаются вокруг меня, и я каменею на месте. Дэру приходится потянуть меня вперед, чтобы просто заставить меня сдвинуться с места.

Мне не хватает воздуха, как будто, если я подойду к ней, случится нечто плохое.

Что-то ужасное.

Эта мысль смехотворна даже для меня самой, и я вижу, как Дэр искоса поглядывает на меня.

Мы останавливаемся перед письменным столом.

– Элеанора, – произносит он сдержанно.

Здесь нет ни следа любви. Я вижу это. Я чувствую это всем своим существом. Это витает в воздухе, во всем этом официозе и холодности.

– Адэр, – кивает женщина.

Между ними не проскальзывает даже тени улыбки, я уж не говорю о теплых семейных объятиях. Несмотря на то что прошел, по крайней мере, год с тех пор,

как она в последний раз видела его, эта женщина даже не привстала, чтобы поприветствовать его.

– Это твоя бабушка, Элеанора Саваж, – сообщает он мне, тщательно подбирая слова, стараясь, чтобы это прозвучало как можно спокойнее.

Элеанора смотрит на меня в упор, пристально изучая с головы до ног. От этого взгляда мое лицо вспыхивает.

– А ты, должно быть, Калла.

Я киваю.

– Можешь называть меня Элеанора. – Она бросает беглый взгляд на дверь: – Подожди снаружи, Сабина.

Сабина безмолвно отступает назад, прикрывая за собой створки двери. Элеанора снова обращает свое внимание на нас.

– Сочувствую твоей утрате, – чопорным тоном говорит она мне, однако в ее голосе я не слышу и тени эмоций, сожаления или скорби, хотя этой утратой была ее дочь.

Я могу понять отсутствие чувств к Финну, потому что она не знала его, но ее родная дочь?!

Она снова смеряет меня взглядом.

– Пока ты здесь, Уитли будет твоим домом. Ты не должна вторгаться в комнаты, которые не имеют отношения к тебе. Можешь совершить прогулку по территории или воспользоваться нашими конюшнями. Тебе не стоит общаться с сомнительными людьми, поэтому ты всегда можешь брать автомобиль. Джонс подвезет тебя куда угодно. Тебе нужно обосноваться здесь, привыкнуть к жизни вдали от города, и тогда мы сможем поговорить о твоем наследстве. И поскольку тебе уже исполнилось восемнадцать, ты несешь ответственность перед этой семьей.

Она замолкает и внимательно смотрит на меня.

– Ты перенесла большую утрату, но жизнь продолжается. И ты научишься жить дальше.

Она отводит взгляд, фокусируясь на бумагах, которые лежат у нее на столе.

– Сабина, – зовет она, не поднимая глаз.

Очевидно, на этом наш разговор завершен.

Сабина возвращается, и мы с Дэром поспешно следуем за ней, радуясь возможности уйти от этой неприятной женщины.

– Ну она милая, – бормочу я.

Губы Дэра слегка искривляются.

– Не могу с тобой согласиться.

Явное преуменьшение.

Между нами пробегает искра, но я быстро отбрасываю эти мысли прочь.

Я не могу.

Я не могу.

Сабина останавливается перед двухстворчатой дубовой дверью.

– Раньше это были покои вашей матери, – сообщает она, – а теперь они в вашем распоряжении. Комната Дэра в другой части дома. – После этих слов она на минуту замолкает, видимо, ожидая какого-то эффекта, который произведет на меня эта информация, но, не дождавшись от меня должной реакции, продолжает: – Ужин состоится в столовой в семь. Рекомендую не опаздывать. А сейчас вам следует отдохнуть.

Она разворачивается и уходит, семеня по коридору своими маленькими ножками.

Дэр внимательно смотрит на меня:

– Хочешь, чтобы я побыл с тобой?

– Нет. – Мой ответ следует незамедлительно и звучит довольно жестко.

Он приходит в замешательство, немного отстраняясь от меня и глядя сверху вниз.

– Просто… мне нужно побыть одной, – добавляю я.

Просто я все еще недостаточно сильна, чтобы сопротивляться твоим чарам.

В его глазах мелькает искра разочарования, но, к счастью, он не давит на меня. Он лишь сглатывает свою обиду и кивает:

– Хорошо. Сейчас я чувствую себя как выжатый лимон, поэтому я хочу немного вздремнуть перед ужином. Советую тебе сделать то же самое. Ты, наверное, устала.

Киваю в ответ, потому что он прав, я полностью истощена. Он уходит, и я остаюсь совсем одна в длинном безмолвном коридоре.

Делаю шаг по направлению к своей комнате, затем второй, но готова поклясться своей жизнью, я не могу повернуть дверную ручку даже на миллиметр. Вокруг меня сгущается нечто, должно быть, мой собственный ужас, который не позволяет мне сделать это.

В моей голове всплывает взгляд Элеаноры, то, как она смерила меня при встрече недобрым взглядом, и мне становится тяжело дышать. Что-то обрушивается на меня сверху, что-то темное, похожее на то, что я почувствовала тогда на трассе. Я кожей ощущаю его присутствие, это нечто наваливается на меня, впивается в мою кожу острыми когтями.

Я понимаю, это все абсолютно бессмысленно.

Что-то притягивает меня.

Меня тянет в старые покои моей матери.

И там я усаживаюсь в окружении всего, что составляет память о ней.

Глава 4

Комнаты моей матери выглядят так же жутко, как и остальная часть дома. На стенах нет никаких постеров, которые рассказывали бы о ее подростковом возрасте, ничего, что говорило бы о ее увлечениях, здесь нет даже розовых телефонов и плюшевых подушечек.

Апартаменты изысканно украшены, вокруг стоит тяжеловесная мебель в светлых тонах, а стены выкрашены в глубокий зеленый цвет. Массивная кровать накрыта несколькими слоями толстых одеял, таких же успокаивающе-зеленых.

Но это совсем не похоже на детскую, или на комнату подростка, или даже на комнату молодой женщины.

Здесь не чувствуется никакого духа молодости.

Но, несмотря на это, я чувствую во всем этом ее дух.

Не знаю почему.

Падая на кровать, я обнаруживаю себя окруженной окнами.

Они тянутся вдоль одной из стен, возвышаясь от пола до потолка. Сквозь них в комнату заливается свет уходящего дня, и я чувствую, будто меня выставили на всеобщее обозрение. Поднимаясь на ноги, я задвигаю шторы.

Теперь я чувствую себя в большей безопасности, но все-таки не совсем.

Мой багаж оставили около двери, поэтому я решаю им заняться. Я достаю оттуда кофты, расставляю свои туалетные принадлежности в шикарной ванной комнате, и, стоя здесь, на мраморной плитке, я могу детально восстановить в памяти образ мамы.

Она любила принимать ванну, а ванна здесь достойна королевы.

Я представляю, как она могла лежать здесь часами, сидя в воде и читая хорошую книгу, и от этого мои глаза наполняются слезами.

Ее больше нет.

И мне это хорошо известно.

Я распахиваю дверь в уборную, и на секунду, всего лишь на один короткий миг, мне кажется, что я улавливаю запах ее духов.

Она пользовалась одним и тем же парфюмом, кажется, все время, что я знала ее.

Здесь над туалетным столиком есть полочки, и на одной из них я вижу флакончик духов «Шанель».

Ее аромат.

Я прижимаю его к себе и вдыхаю, от чего мою голову заполняет огненный вихрь воспоминаний. Мамин смех, она печет печенье на кухне, ее улыбка, виднеющаяся из-за края книги, которую она читает.

С горящими глазами я ставлю флакон обратно на полку.

Это все равно не поможет.

Я развешиваю свои футболки, рубашки, кофты.

Раздается стук в дверь, и в помещение входит Сабина с чайником и чашкой на подносе.

– Я принесла вам немного чаю, – говорит она мне тихо, расставляя все на столе, – он вас взбодрит. Людям тяжело путешествовать.

Терять свою прежнюю жизнь – вот что по-настоящему тяжело для людей.

Но конечно же, я предпочитаю помолчать об этом.

Я только улыбаюсь и благодарю ее.

Она наливает немного чаю и протягивает мне.

– Это поможет вам расслабиться. Он очень успокаивающий.

Я делаю глоток, а Сабина тем временем обнаруживает мои пустые чемоданы.

– Я вижу, вы уже обосновались здесь. Эта комната совсем не изменилась с тех пор, как ваша мама покинула ее.

Я обхватываю чашку обеими ладонями, пытаясь согреть свои пальцы, в которых не осталось ни капли тепла из-за промозглости английского вечера.

– Почему мама уехала отсюда? – спрашиваю я, потому что она сама никогда мне об этом не рассказывала; она не говорила ровным счетом ничего о доме, в котором выросла.

Сабина замолкает, и когда я ловлю на себе ее взгляд, то понимаю, что она снова смотрит мне в душу, выскребая из нее все своими морщинистыми пальцами.

– Она уехала, потому что ей пришлось это сделать, – просто отвечает Сабина, – в Уитли ей было слишком тесно.

Этот ответ ни о чем мне не говорит.

Глупо было ожидать чего-то другого.

Сабина садится рядом со мной, поглаживая меня по колену.

– Здесь я тебя немного откормлю, – говорит она мне, – а то ты слишком худенькая, как и твоя мама. Ты отдохнешь и тогда сможешь… увидеть вещи такими, какие они есть.

– И как же это должно произойти? – устало спрашиваю я, внезапно чувствуя, как же сильно я на самом деле измождена.

Сабина смотрит мне прямо в лицо и коротко хохочет.

– Дитя, тебе нужно отдохнуть. Ты рассыпаешься на глазах. Пойдем. Приляг, поспи.

Она укладывает меня на кровать, укутывая одеялом до самого подбородка.

– Ужин в семь, – напоминает она мне, – а пока поспи.

Я пытаюсь.

Действительно пытаюсь.

Я закрываю глаза.

Расслабляю руки, ноги, все мышцы своего тела.

Но сон не приходит ко мне.

Наконец я бросаю свои попытки, распахиваю шторы и смотрю в окно.

Снаружи совсем стемнело, тихий вечер. Здесь так рано темнеет.

Деревья сгибаются под порывами сырого ветра. Холод пронизывает до костей. Даже сквозь стекло я чувствую это, обхватив себя руками и потирая плечи

ладонями.

Я вся покрылась гусиной кожей.

Волоски на моей шее встают дыбом.

Мне кажется, что звезды насмехаются надо мной.

Поворачиваясь к ним спиной, я прохожу через комнату и беру с полки первую попавшуюся книгу.

«Джейн Эйр».

Эта книга идеально подходит для Уитли с его болотами и дождями.

Я раскрываю обложку и вижу выведенную чернилами надпись.

Лоре. Пусть тебя всегда сопровождает дух Шарлотты Бронте и смелость следовать своим мечтам. Твой отец.

Чернила почти стерлись, и я провожу по этим строкам кончиками пальцев.

В этих словах столько нежности, но в то же время они несут в себе важный посыл.

Мой дедушка хотел поддержать маму в ее стремлении к независимости. Как бы то ни было, я сомневаюсь, что Элеанора когда-либо разделяла его чувства.

Я удобно устраиваюсь в кресле с книгой в руках, пролистываю страницы, словно пытаясь впитать глазами те строки, которые когда-то читала моя мать.

Но я дохожу лишь до того момента, где Джейн заявляет, что ненавидит долгие прогулки в по-английски холодные послеполуденные часы, когда что-то доносится до моего слуха.

Я чувствую это что-то.

Оно отдается рокотом в моих костях.

Низкий ужасающий звук, проносящийся вибрацией сквозь мои ребра.

Я вскакиваю на ноги, озираясь по сторонам, но, естественно, я оказываюсь, как и прежде, одна.

Но рык раздается снова, низкий и еще более протяжный.

У меня перехватывает дыхание, книга выпадает из рук и с грохотом ударяется о пол, оставаясь лежать на ковре и зиять распахнутыми страницами.

Меня охватывает внезапный приступ паники, молниеносный и прожигающий изнутри.

Мне нужно выбраться отсюда.

Я не знаю почему.

Я просто чувствую сердцем, это ощущение выталкивает меня прочь из покоев моей матери в коридор, потому что меня преследует нечто.

Мне кажется, что оно наступает мне на пятки.

Мне кажется, что оно дышит мне в спину.

Без оглядки я бегу прямо по коридору через весь дом и выскальзываю за парадную дверь.

Нужно дышать.

Нужно дышать.

Нужно дышать.

Жадно глотая воздух, я бесцельно брожу вокруг дома, измеряя шагами дорогу, мощенную булыжником. Я стараюсь дышать глубоко и ровно, пытаюсь заставить мои руки перестать дрожать, мне хочется снова собраться с силами и убедить себя в том, что это все было просто глупой игрой моего воображения.

У меня нет никаких поводов для страха.

Мои поступки просто смешны.

Возможно, этот дом действительно выглядит непривычно и странно, но теперь это мой дом. Это не дом, в котором я жила раньше. Но это не страшно. Я привыкну жить здесь.

Я оглядываюсь назад и не замечаю ничего сверхъестественного.

Никакого рычания, никакой вибрации в ребрах: ничего, кроме туманных сумерек и звезд, усиленно пытающихся прорваться сквозь облака.

Я вижу нависшее надо мной здание и поворачиваюсь вокруг своей оси, обнаруживая себя напротив огромного гаража.

В нем как минимум семь дверей, и все из них закрыты, кроме одной.

К моему удивлению, кто-то выходит из нее.

Парень.

Мужчина.

Он одет в темно-серые брюки и толстовку, а его движения очень грациозны. Он с легкостью двигается среди падающих теней, так, словно тут ему место, будто Уитли и его дом тоже, хотя я ничего о нем не слышала.

– Извините, – пытаюсь окликнуть его я.

Он замирает, останавливаясь на месте, но не поворачивается ко мне лицом.

Что-то в происходящем сильно напрягает меня: а что, если он нежелательный гость здесь?

– Извините, – еще раз нехотя повторяю я, и дрожь пробегает по моей спине, а мои руки вновь покрываются гусиной кожей.

Я делаю шаг назад, затем второй и еще один.

Я моргаю.

Но его уже нет.

Я пристально вглядываюсь в пустоту, затем встряхиваю головой и зажмуриваюсь.

Поспешно я возвращаюсь к себе в комнату, слишком взбудораженная, чтобы пытаться разобраться, что это было.

Мое замешательство не проходит, даже когда я умываю лицо холодной водой. Собравшись наконец с мыслями, я высовываю голову в коридор, но ничего странного там не обнаруживаю.

Со вздохом я запираю дверь в свою спальню, мне становится прохладно от сырого английского воздуха. Бросая взгляд на часы, я вижу, что сейчас только шесть тридцать. Поэтому я чувствую благодарность за то, что у меня есть еще немного времени, чтобы отдохнуть.

Совершенно очевидно, меня слишком сильно укачало в самолете.

Я закрываю глаза.

Все вокруг начинает вращаться.

Стоя посреди облаков, я раскидываю руки по сторонам и кружуськружуськружусь.

Здесь меня никто не тронет.

Реальность не здесь, она где-то далеко.

Где-то там, где промозгло и сыро.

А еще некомфортно, и безмолвно, и неловко, и жестоко.

У них недобрые глаза, они все против меня… смотрят на меня и ждут чего-то. Только чего?

Моя кожа начинает сползать, и я сдираю ее до тех пор, пока не начинает течь кровь. Потому что мне она больше не нужна, я хочу от нее избавиться.

Им не добраться до меня.

Я им не позволю.

Я их совсем не знаю.

И даже не хочу узнавать.

Глава 5

Ужин в Уитли – что-то вроде неприятной формальности.

Я чувствую себя нищенкой, глядя на Элеанору, сидящую во главе стола в сшитом специально для нее костюме, а на шее у нее все та же нитка жемчуга. Я на взводе – очень яркий сигнал о том, что я не на своем месте. Если бы кто-то из присутствующих здесь хорошо меня знал, то сразу бы это понял.

– Расскажи мне о своем образовании, – обращается ко мне Элеанора с другого края блестящего стола, настолько длинного, что каждый раз я вынуждена выкрикивать ответ.

Я нехотя начинаю рассказывать ей о муниципальной средней школе, но вдруг двери открываются. С нескрываемым осуждением Элеанора наблюдает за Дэром, входящим в тихую комнату.

«Слава богу», – выдыхаю я. Мне начинает казаться, что я дышу, только когда он рядом со мной, это стало чем-то вроде привычки, которую мне нужно изменить.

Высокий, элегантный, он занимает место рядом со мной, на нем брюки, классический пиджак и рубашка цвета синего кобальта со слегка расстегнутым воротником. Даже в этом официальном костюме он выглядит так же непринужденно, как в привычных джинсах, а непослушная прядь темных волос слегка прикрывает глаза. Он приглаживает ее, усаживаясь на стул.

Я радуюсь его появлению каждой крошечной частицей своего существа и отчаянно стараюсь не обращать внимания на это чувство.

Не может же он служить мне щитом. Только не теперь.

Так не должно быть.

– Очень любезно с твоей стороны, что ты соизволил присоединиться к нам, – сквозь зубы произносит Элеанора, прежде чем перевести свое внимание обратно на меня.

Это выглядит так, будто она устала от него, как если бы Дэр был обузой или незваным гостем. Но он вполне вписывается в антураж этого места.

Я ничего не могу поделать со своим желанием метнуть еще один взгляд в его сторону, и в этот момент я обнаруживаю, что он смотрит на меня в упор.

Он не отводит от меня своих глаз цвета истлевшего пепла и ночного неба, даже когда наши взгляды пересекаются.

Я тяжело сглатываю, и Элеанора замечает это.

Она звучно прочищает горло.

– Дэр, это не твое место. Ты же знаешь, что ты сидишь на другом конце стола.

Я в изумлении смотрю на нее. За столом, должно быть, около двадцати мест, а занято только три. Совершенно очевидно, что не играет никакой роли то, где он сидит.

– Сегодня я буду сидеть здесь. – От его ответа любого обдало бы холодом.

Мое облегчение невозможно описать словами.

Но Элеанора непреклонна:

– Независимо от того, где ты сегодня сидишь, ужин в семь. Ровно в семь. И ты прекрасно об этом знаешь. Поэтому если опаздываешь, не утруждай себя появляться здесь.

Но кажется, эти слова его совсем не тронули. Он пристально смотрит на нее в ответ:

– Приму к сведению.

В его чуть хриплом голосе слышатся глубокие вибрации и холодность.

Всю остальную часть ужина мы проводим под скрежет серебряных приборов о фарфоровую посуду.

Нависшая тишина заставляет меня вздрагивать.

Если бы только Финн был здесь.

Он бы толкал меня ногой под столом, закатывая глаза и тем самым заставляя меня смеяться.

Но его здесь нет.

Мне так одиноко!

Я никогда прежде не была в таком замешательстве.

Если, конечно, не брать в расчет то, что я столкнулась с тем странным человеком сегодня.

– Здесь живет кто-то еще? – внезапно для себя самой спрашиваю я, и Элеанора в удивлении поднимает глаза от своей тарелки с фруктами:

– Прости, что? – Ее бровь ползет вверх.

– До ужина, – объясняю я, – я все никак не могла уснуть и вышла прогуляться. И там я видела парня в толстовке. Мне показалось, что он не отсюда.

Дэр и Элеанора переглядываются.

– Как он выглядел? – тихо спрашивает Дэр, не отводя от меня взгляда.

Я только пожимаю плечами:

– Я не разглядела его лицо: на нем был капюшон. Но он был молодой. Худощавого телосложения.

Пауза.

Затем Дэр откашливается.

– Здесь больше никого нет, Калла. За исключением Джонса и Сабины, ты могла встретить нашего конюха, но он уже пожилой. Также у нас есть команда садовников, но они приходят сюда рано утром и уходят еще до того, как кто-либо из домашних проснется.

– Тогда кто же это мог быть? – спрашиваю я, смущенная и немного напуганная.

Дэр внимательно смотрит на меня:

– Может, тебе просто показалось, что ты видела кого-то?

Я вспыхиваю, потому что, если вспомнить все недавние события из моей жизни, нет ничего удивительного в том, что никто из них мне не верит. Жар проникает куда-то в область моего сердца, и я еле борюсь с искушением взорваться.

– Я… может быть, – в конечном итоге, соглашаюсь я.

Вероятно, у меня акклиматизация. Я устала. Совсем недавно я пережила потрясение. Вполне возможно, что на самом деле я никого не видела сегодня. Показалось же мне, что моя комната рычала.

– Я ненавижу это место, – бормочу я себе под нос, когда наконец с ужином покончено.

Дэр слышит мои слова и ускоряет шаги, догоняя меня.

– Все не так уж плохо, – говорит он мне, – иногда приходится идти на жертвы ради собственной безопасности.

Я бросаю на него беглый взгляд и, о боже, как же я скучаю по нему!

Мы проходим мимо окна, и лунный свет освещает его лицо: мне так хочется дотронуться пальцами до его губ!

Он сопровождает меня до моей комнаты.

– Расскажи мне о том парне, которого ты видела сегодня, – просит он меня мягко, а его пальцы нащупывают в темноте мои.

Они обвиваются вокруг моего запястья, настолько теплые и родные, что мне хочется закрыть глаза, забыться.

– Нет, – наконец отвечаю я, – ты прав. Мои глаза, наверное, просто сыграли со мной злую шутку. Я очень устала.

Дэр смотрит на меня взглядом, полным сомнений. Он сосредоточен.

– Хочешь, я побуду с тобой? – спрашивает он, и в его голосе звучит нотка надежды.

Все внутри меня взывает к тому, чтобы я согласилась, на самом деле мне очень хочется уснуть в его объятиях, ощущая силу и тепло, но я качаю головой, потому что мое сердце все еще переполняет страх.

И этому должно быть объяснение.

– Все в порядке. Тебе нет никакой нужды быть мне нянькой, Дэр. Я в норме. Честно.

Это ложь.

Со мной не все в порядке.

Но он ничего не сможет с этим поделать.

Он кивает.

– Дэр. Я… Мне нужно личное пространство.

– Личное пространство?

– Да. Мне нужно свыкнуться со всем, расставить все точки над i… Финн, ты, я… Мне нужно побыть наедине со своими мыслями.

В воздухе повисает напряженная тишина, и мне до боли хочется упасть в его объятия, позволить ему забрать все мои тревоги, избавить меня от страха, но я не могу. Я не могу разрешить себе быть такой слабой. Что-то огромное, больше меня самой, целиком зависит от этого. Но я пока не знаю, что именно.

Наконец он соглашается:

– Ладно. Я дам тебе личное пространство. Но если вдруг потребуется моя помощь, напиши мне, и я буду здесь через пару минут.

Я киваю, а он наклоняется, прикасаясь губами к моему лбу. На этот раз я не отталкиваю его.

После того как он уходит, я захожу в свою одинокую спальню, сажусь на свою одинокую кровать и вдыхаю воздух одиночества.

– Мне так не хватает тебя, Финн, – на выдохе произношу я.

Потому что ты всегда понимал меня, что бы ни случилось. Мне никогда не приходилось ничего объяснять или вдаваться в подробности. Он знал обо мне все без лишних слов.

Это была наша общая фишка.

Но теперь его нет, и я абсолютно одна.

Это далеко не самое комфортное место для меня, особенно в этот момент, когда из нас двоих в живых осталась только я.

Я озираюсь по сторонам. Из всей большой и просторной комнаты мой взгляд вылавливает один стул около окна, и я неловко пересаживаюсь на него, притягивая колени к груди, снова открываю «Джейн Эйр».

Позади, за окном, английские мхи простираются на мили вдаль, расстилаясь по землям Уитли. Это место так напоминает Торнфилд Холл, который так подробно описывает Шарлотта Бронте, что у меня складывается впечатление, что она создавала свой роман, сидя перед тем же самым окном и в той же самой комнате, где сейчас нахожусь я.

Глядя сквозь стекло, я вижу, как дымка поднимается над землей, затапливая все вокруг густым туманом.

Когда я снова на мгновение бросаю взгляд за окно, мои глаза улавливают какое-то движение.

Я снова вглядываюсь в мох, уже внимательнее.

Я жду, что вот-вот передо мной снова предстанет тот незнакомец, которого я встретила сегодня.

Но это оказывается Дэр.

Он прогуливается по дорожке, идущей от сада, скользит сквозь ночь, и его широкие шаги кажутся мне до боли родными.

А затем он останавливается.

Должно быть, затылком почувствовал мой взгляд, потому что он смотрит вверх.

Его лицо поворачивается в мою сторону, и наши взгляды встречаются.

Его глаза темнее ночи, и они пронизывают мою душу насквозь.

В его взгляде столько притягательной силы, что у меня перехватывает дух, и я опускаю веки.

Когда я снова смотрю вниз, его уже и след простыл.

Но какое-то странное, неизведанное ощущение остается внутри меня.

Он опасен.

Я в опасности.

И он знает, что я видела его.

Что за странные мысли?

Но ведь это вполне оправдано: я тоже странная.

* * *

Завтрак и ланч в Уитли проходят в такой же формальной некомфортной обстановке, что и ужин.

После того как я провела все утро, погрузившись в свое гнетущее одиночество, мне удалось выскользнуть из комнаты, не будучи замеченной Сабиной. Она все это время пристально наблюдала за мной, и мне страшно, что в любой момент она может прижать меня к стенке и начать расспрашивать о маме.

Я не хочу этого.

Время еще не пришло.

Вырываясь на свежий воздух, я сразу же подставляю свое лицо солнечным лучам и делаю глубокий вдох.

Господи, как же хорошо – наконец почувствовать себя свободной.

Внезапно мне на ум приходит одна любопытная вещь: несмотря на то что мои нервы натянуты до предела, я могу использовать пребывание здесь как долгожданную передышку.

Я вспоминаю, какой тошнотворной была жизнь той девочки из похоронного бюро.

Там, дома, все знали, кто я такая. Всего лишь грустная девчушка, потерявшая большую часть близких и свой разум. Я никогда уже не смогу избавиться от своих воспоминаний и стать обычной нормальной девушкой.

Со вздохом я направляюсь по мощенной брусчаткой дороге к конюшням, нужно получше исследовать территорию, увидеть все, что здесь вообще можно увидеть.

Мои ноги отбивают шаги по камням, а легкие расширяются с каждым новым вдохом.

В испуге я замираю, когда из-за угла появляется неразличимый силуэт.

Мой вскрик оказывается громче, чем я того хотела бы, и это привлекает ко мне внимание Дэра.

На нем темные джинсы и черная футболка. Каждый предмет его гардероба так тщательно подобран, что кажется, что все это сшито специально для него. У меня создается впечатление, что что бы он ни надел, любая одежда будет ему к лицу.

Он приподнимает бровь и останавливается посреди дорожки:

– Ты потерялась?

Его голос звучит настороженно, наверное, поэтому фраза кажется такой обрывистой. Он пытается дать мне то личное пространство, о котором я так просила, не быть слишком назойливым. Должно быть, он очень хочет открыться мне теперь, после того как я его отвергла.

Это выглядит странно, словно мы никогда не были знакомы, но хоть мне это и не нравится, я не говорю ничего против.

Потому что теперь все так, как должно быть.

Так, как должно быть сейчас.

Я нервно переминаюсь с одной ноги на другую.

– Нет, я просто пытаюсь освоиться здесь.

– Я мог бы составить тебе компанию, – предлагает он, приближаясь ко мне.

Было бы так просто ответить ему «да».

Но… что-то в его взгляде мешает мне.

Нечто, что я уже видела прежде, но не могу вспомнить.

Страх снова поднимается вихрем внутри моего живота, и я мотаю головой.

– Спасибо, но нет, – наконец отвечаю я, и Дэр прикрывает глаза, словно пытаясь защититься от боли, которую я могу ему причинить. – Я думаю, что осмотрюсь здесь сама. Не хочу тратить твое время.

– Ты никогда не была для меня пустой тратой времени, – говорит он, и его голос звучит подозрительно официально.

Он больше не уговаривает меня и уходит, продолжая свой путь, а я чувствую, как на минуту меня охватывает паника.

Не оставляй меня одну.

– Подожди, – внезапно выкрикиваю я, сама того не желая.

Он останавливается, но не поворачивается ко мне лицом.

– Что?

– Ты будешь на ужине сегодня?

Я задаю свой вопрос почти на последнем издыхании и сразу же начинаю винить себя за то, что сделала это. Прекрати так навязчиво себя вести. Это какие-то двойные стандарты. Но в моей душе слишком много противоречий, поэтому я ничего не могу с собой поделать.

Дэр начинает медленно удаляться.

– Конечно.

Я наблюдаю, как он уходит, как движутся его плечи и бедра при каждом шаге.

Он все для меня: все, чего я когда-либо желала и чего буду желать в своей жизни.

Мне хочется закричать от ярости, я не понимаю, что в нем такого плохого, отчего я не могу быть рядом с ним.

Мое сердце бешено колотится, и я думаю, в нем все же есть нечто темное… Я просто не могу нащупать это.

Пока.

Дэр исчезает за холмом на пути к дому, и только спустя несколько секунд я осознаю, что за мной кто-то следит.

Крошечные волоски на моей шее встают дыбом, а руки покрываются мурашками. Я оглядываюсь по сторонам, сканируя взглядом все вокруг, но не вижу ничего странного.

Я совсем одна.

Или нет?

Кажется… Кажется… Кажется, кто-то стоит на углу дома. Какое-то движение и… что это… проблеск серого? А потом снова ничего. Я снова все сама придумала?

В секунду, когда я погружаюсь в тень деревьев, а тишина окутывает меня, я чувствую себя еще более одинокой, чем когда-либо прежде.

Это чувство не из приятных.

Оно пугает и угнетает.

Святой Михаил, защити меня.

Защити меня.

Защити меня.

Я нащупываю пальцами медальон Финна, спрятанный под футболкой. Я крепко сжимаю его в ладони, обращаясь в молитве к Архангелу.

Святой Михаил, защити меня.

Огради меня от проделок дьявола, потому что, видит Бог, я знаю, что дьявол здесь.

Пока он здесь, я в опасности.

Только я не знаю, откуда мне ждать эту опасность.

Но ты знаешь.

Защити меня, пока я не узнаю.

Защити меня.

Защити меня.

Защити меня.

Глава 6

В коридоре слышен какой-то шепот, и я в спешке натягиваю на себя одежду, отчаянно желая поскорее покинуть эту комнату. Я резко распахиваю дверь и обнаруживаю Сабину, переговаривающуюся с Джонсом.

Две пары глаз смотрят на меня, пораженные внезапным появлением.

– Чем мы можем быть полезны, мисс Прайс? – спрашивает Джонс, а его голос звучит официально и сдержанно.

«Здесь его место, – проносится у меня в голове, – в этом сдержанном, чопорном доме».

– Нет, спасибо, – говорю я, – просто никак не могу прийти в себя.

Сабина замечает книгу, зажатую у меня под мышкой.

– Здесь собрана потрясающая библиотека, – произносит она. – Пойдемте со мной, я покажу.

Мы вместе проходим сквозь тихие коридоры и безмолвные комнаты. Повсюду в этом замке я чувствую себя под чьим-то пристальным наблюдением. Невидимый взгляд пронзает меня насквозь, пытается прочитать мою душу, и я начинаю его искренне ненавидеть.

Здесь есть нечто.

Нечто.

– Вы чувствуете себя здесь в безопасности? – вдруг спрашиваю я, когда она распахивает передо мной двери библиотеки.

Она в изумлении смотрит на меня.

– Конечно же, мисс Прайс, – отвечает она глубоким грудным голосом, – а вы разве не чувствуете?

– Прошу, называйте меня Калла, – говорю я, стараясь избежать ответа на заданный вопрос, следуя за ней в комнату.

Со всех сторон меня окружают полки с книгами, они опоясывают все пространство от пола до потолка.

– Я разожгу камин, чтобы разогнать утреннюю прохладу, – произносит она, пересекая комнату и опускаясь на колени перед красивым камнем.

Я отхожу от нее подальше, чтобы избежать неприятных вопросов, и прохожу между рядами книг, рассматривая их корешки, но, естественно, она о своем вопросе не забыла, и, когда я оборачиваюсь, она стоит за моим плечом.

– Присядь у огня, дитя.

Эта фраза звучит, как простой совет, но она притягивает меня за локоть, и я быстро оказываюсь перед полыхающими языками пламени. Она устраивается рядом со мной, а ее глаза кажутся мне завораживающе магнетическими.

– Почему ты не чувствуешь себя здесь в безопасности? – спрашивает она. – Что-то случилось?

Мои брат и мать погибли.

Это то, что мне хочется сказать ей на самом деле.

Но я не произношу это вслух, боясь, что это прозвучит странно, и вместо этого тяжело сглатываю.

– Ты чувствуешь себя виноватой за то, что осталась в живых? – продолжает она, и ее вопрос попадает прямо в точку, проникает в самое сердце.

Я снова сглатываю.

– Все в мире имеет свою причину, все происходит так, как должно быть. Ты осталась жива, потому что так должно было случиться. Ты не должна корить себя за это.

– Мне их не хватает, – шепчу я, чувствуя себя, словно на исповеди.

Мне всегда казалось, что рядом с отцом я должна оставаться сильной, не показывать свою слабость. Поддерживать Финна.

Но тот Финн уже не был реален.

Его тоже не стало.

Мне больше не нужно быть сильной.

Сабина кивает и переводит взгляд на пламя.

– Я знаю, – говорит она, – мне так и не довелось познакомиться с твоим братом, но я скучаю по твоей маме. В свое время она была украшением моей жизни, дитя. Уитли может быть очень мрачным местом. Твоя мама была здесь лучом света.

По непонятной причине от ее слов мне становится еще более тоскливо, потому что этот свет потух и теперь здесь осталась лишь тьма.

Огонь согревает мои колени и продрогшие кости, и я прижимаю руки к груди. Не хочу позволять своим чувствам брать верх над собой, потому что они только ранят.

Вместо этого мне хочется расспросить ее подробнее про Дэра.

– Дэр вырос здесь? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно. – Наверное, он тоже был для вас лучом света.

Моя попытка оказывается неудачной, и слова все равно звучат смешно. Дэр прекрасен, он глубоко в моем сердце, но свет – неподходящее описание для него.

Скорее он – моя тьма.

Сабина улыбается, но в этой улыбке только горечь.

– Дэр вырос здесь, – подтверждает она, – и он был для меня таким же ребенком, как Лора. Он все еще ребенок. Однажды у меня не получилось защитить его, но я готова восполнить это упущение теперь, и я пожертвую ради этого своей жизнью.

Она смотрит на меня так, словно хочет защитить его от меня.

От этого я смущаюсь, и мне хочется спросить, почему она так смотрит на меня, но я не могу.

Дэр собственной персоной появляется на пороге.

– Сабби, – говорит он, входя в комнату, но его глаза остановились на мне, – Джонс зовет тебя.

Она смотрит на него понимающе. Дэр снова пришел мне на помощь, пришел спасти меня от этой неловкой ситуации с Сабиной, и женщина прекрасно это понимает. Кресло издает тонкий скрип, когда она поднимается с него и, шаркая ногами, двигается к двери.

Она больше не оглядывается.

– Она любит тебя, – говорю я, не поднимая на него глаз.

Ярко-рыжее пламя тянет ко мне свои языки.

– Да, – просто отвечает он, занимая только что освободившееся место.

Он берет книгу у меня из рук, внимательно разглядывая обложку.

– «Джейн Эйр», – констатирует он, пролистывая страницы, – интересный выбор. Ты будешь моей Джейн, Калла?

Я сглатываю, глядя в сторону.

Потому что тогда он будет мистером Рочестером.

– Джейн спасла Рочестера, ты помнишь? – продолжает он, бархатным, как ночь, голосом. – Случайно.

– Я не могу никого спасти, – беспомощно произношу я, – потому что я ничего не знаю.

Дэр закрывает глаза, и кажется, будто от него исходит сияние, это всего лишь свет камина.

– Ты все знаешь, – говорит он.

Просто я ничего не могу вспомнить.

Он снова открывает глаза, и я снова вижу это его выражение лица, и воспоминание острым ножом врезается в мое сердце, ведь я уже видела его прежде.

Оно болезненное, чувствительное, взволнованное.

В нем есть нечто, скрытое.

Что-то, что мне хорошо знакомо.

Что-то, что пугает меня.

Спаси меня, я спасу тебя.

– Мне здесь не нравится, – бормочу я.

– Знаю.

* * *

Я пишу письмо своему отцу и отдаю его Сабине.

– Ему важно знать, что со мной все в порядке, – говорю я, и она кивает в ответ, потому что это вполне естественно.

Женщина протягивает мне чашку чая.

В Англии чай – средство от всех проблем.

– Дэр здесь? – спрашиваю я между делом, потому что даже сейчас он мое солнце, а я – его луна.

Его свет помогает мне выжить.

Она мотает головой:

– Нет. Но он вернется, дитя. Он всегда возвращается.

Что за странный ответ?

Я не обращаю на это внимание.

Я стараюсь сосредоточиться на свете.

Я размышляю о том, что на самом деле лунный свет является лишь отражением солнца и на самом деле луна вовсе не имеет своего собственного света. Небесное тело, которое, как мы привыкли считать, излучает серебристое мистическое сияние, в реальности является очень темным и пустынным.

Я луна.

И во мне не осталось ни капли света.

Для того чтобы снова отражать его, мне нужен Дэр.

Но если он солнце, то может спалить меня дотла.

Мне становится плохо от моих сравнений.

Я отправляюсь в сад, где оказываюсь в окружении цветов и тишины.

Единственным спасением служат мои мысли, но мой разум – не такое уж уютное пространство.

Я закрываю глаза и искренне прошу воспоминания вернуться.

Но все, что я вижу, – это мое прошлое.

Привычное и знакомое.

Но только не те вещи, которые скрываются где-то в потаенных уголках моего мозга.

Крик матери преследует меня.

Надгробие Финна и мой плач над ним.

Его дневник, который я оставила дома.

Сейчас очень хочется, чтобы дневник был со мной.

По крайней мере, это помогло бы почувствовать, что он рядом со мной, несмотря на его безумные записи.

Я представляю страницы, исписанные знакомым почерком, с выделенными словами.

Я помню это с кристальной ясностью.

Калла придет мне на помощь.

Иначе я умру.

Я умру.

Я умру.

Serva me, servabo te.

Спаси меня, и я спасу тебя.

По телу пробегают мурашки, потому что мне это не удалось.

Я так и не смогла спасти Финна.

И это бесчисленное число слов и оправданий… от моего отца, от Дэра, от Сабины… никаким доводам не под силу это изменить.

Ты выжила, потому что так должно было случиться.

Странная фраза Сабины всплывает у меня в памяти, но я яростно отбрасываю ее прочь.

Почему так должно было случиться?

Я не знаю.

По той ли причине я все еще здесь, что должна спасти Дэра, как Джейн спасла Рочестера?

Я не знаю.

Все, в чем я уверена, так это в том, что я должна раскопать правду, если мне и предстоит кого-то спасти.

Правда подарит нам свободу.

Глава 7

Я снова заблудилась.

Поместье Уитли настолько огромное, что я постоянно теряюсь в его уголках. Так или иначе, я оказываюсь около кабинета Элеаноры, и из-за двери я слышу ее голос.

Я хочу ухватиться за ручку двери, но внезапно останавливаюсь, потому что, кажется, она сегодня не в духе. Из небольшой щели до меня доносятся ее слова достаточно громко и ясно, чтобы я могла понять все сказанное.

– Она не в себе, Элеанора, – скрипучим голосом говорит Сабина, – боюсь, ей требуются отдых и уединение.

– Она совершенно точно может получить их здесь, в Уитли, – нетерпеливо отвечает Элеанора, – не вижу ни единого повода для твоего беспокойства.

– Она потеряла все, что у нее было, – объясняет Сабина, – а вы не предлагаете ей ничего, кроме временного пристанища. Вам стоило бы поговорить с ней…

– Поговорить с ней о чем? – взрывается Элеанора. – Напомнить ей о…

– Тебя не учили, что подслушивать неприлично?

Дэр делает шаг ко мне, с любопытством изучая мое лицо. Он настолько красив, что кажется, будто в нем есть нечто потустороннее. Он снова нарушает мои личные границы. А еще явно не хочет, чтобы я слышала то, что они обсуждают за дверью.

Я делаю глубокий вдох.

– Что все вокруг скрывают от меня? – спрашиваю я.

В ответ он лишь встряхивает головой:

– Ничего.

Это нечто очень важное, я уверена в этом.

– Мне нужно знать, – настаиваю я.

Он смотрит на меня в упор:

– Ты здесь, чтобы поправиться, Калла. Чтобы отдохнуть и прийти в себя.

– Но ты сказал, что я в опасности, – напоминаю ему я, – разве мне не нужно знать, что представляет для меня угрозу?

По его выражению лица я улавливаю, что ему сейчас очень некомфортно, его темные глаза излучают странный блеск.

– Эта семья пережила слишком много. Тебе необязательно узнавать все это прямо сейчас. У тебя есть только один выход – попробовать довериться мне.

Мне бы хотелось это сделать.

– Это какое-то безумие, – шепчу я.

– Полагаю, все мы здесь не в своем уме, – цитирует он Льюиса Кэрролла, из чего я могу сделать вывод, что ему просто нечего ответить.

Мои ногти сильно впиваются в ладони, а внутри поднимается буря разочарования.

– Я люблю тебя, и ты это знаешь, – пытается объяснить он, – я уже так устал от этого всего!

Он уходит прочь, словно ему больно находиться рядом со мной.

А мне остается только одно. Я отправляюсь обратно в свою комнату, где могу побыть в одиночестве и где никто не следит за мной. В комнате так тихо и безлюдно, что я быстро сдаюсь, не выдержав уединения.

– Финн, ты бы возненавидел это место.

Естественно, я не получаю никакого ответа, но разговоры с ним всегда помогали мне почувствовать себя лучше, поэтому сейчас мне остается только воображать, будто он все еще жив, что я все еще нечто целое, а не жалкая половина.

Я рисую его лицо у себя в голове, вижу, как он смеется.

– Какая же ты тупица, Калла, – говорит он, а его светло-голубые глаза искрятся. – Ты всегда была лучшей частью нас двоих. Я не нужен тебе.

– Это бред, – незамедлительно парирую я. – Ты будешь нужен мне всегда. Возможно, я никогда не прекращу разговаривать с тобой, даже когда тебя больше нет. Ты понял?

Он поднимает глаза к небу в лунном свете.

– Понял. Но однажды настанет момент, когда я перестану отвечать. Потому что, хочешь ты того или нет, тебе придется отпустить меня, Калла. Ради твоего собственного блага. Так будет лучше для тебя.

– Не говори мне, что будет лучше для меня, – огрызаюсь я, но в ответ он смеется, потому что это обычная реакция Финна на все.

Он всегда смеется, тем самым делая все вокруг лучше.

– Останься со мной, – умоляю я, – мне так одиноко.

Он кивает и садится на постель рядом со мной, наблюдая, как я устраиваюсь поудобнее, прежде чем уснуть. Брат бормочет под нос какую-то мелодию без слов, я знаю эту песню, но название никак не приходит мне в голову.

– Засыпай, – говорит он мне, – я здесь, с тобой.

Так я и поступаю. Погружаюсь в сон от спроецированного моим мозгом воспоминания о погибшем брате, потому что только так я чувствую себя в безопасности.

Но даже в этом случае злое сознание не дает мне покоя.

«Один в один».

Кажется, что шепот исходит ото всех щелей, из коридоров, словно тени, падающие от предметов в комнате, насвистывают мне это: «Один в один, Калла. Один в один, один в один».

Голос клокочет и завывает, а я сворачиваю за угол, пытаясь скрыться от него в темноте.

Когда этот звук наконец остается позади, я останавливаюсь, чтобы немного отдохнуть.

Я бросила Финна, оставила его там без помощи.

Теперь они его поймали.

Нет.

Нет.

Я должна вернуться. Я поворачиваюсь на месте вокруг своей оси, но понимаю, что не могу пошевелиться. Мои ноги будто слились с полом.

До меня доносится его крик, и я прикладываю все усилия, чтобы сдвинуться с места, но внезапно меня останавливает Дэр.

Он вцепляется в мои плечи, удерживая меня, как будто его руки – стальные плети, не позволяющие мне бежать дальше.

– Ты не сможешь ему ничем помочь, – мрачно заявляет он, а в его глазах беснуются демонические огоньки, – прости, но ничего не поделаешь.

Я просыпаюсь от собственного крика. Финн все еще сидит на краю моей кровати.

– Ты в порядке? – слышу я взволнованный голос моего брата, а лунный свет разливается по его лицу. – Тебе приснился сон. Но теперь ты проснулась, все

хорошо.

Я киваю и беру его руку в свою, а он широко улыбается мне.

– Опять Бугимен?[1 - Бугимен – персонаж, которым пугали непослушных детей.]

Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, но ощущение ужаса и потери все еще очень велики.

Вместо этого я снова киваю:

– Да, Бугимен.

Это была наша общая с ним шутка: Финн и я всегда говорили, что ни одному Бугимену в мире не под силу нас напугать, ведь нам приходится спать в одном доме с мертвецами.

Но этот сон… Он задел меня за живое, отыскал во мне самый потаенный страх, то, что всегда пугало меня больше всего.

Потеря брата.

Но это уже случилось, а я до сих пор жива, я все еще здесь.

Но меня до сих пор обуревает страх, потому что я все еще не отпустила его.

– Я в порядке, – уверенным голосом говорю я.

Мне почти удается поверить в свои слова, ведь это был всего лишь сон.

Всего лишь сон. Все самое страшное уже случилось.

Он кивает и уже хочет встать с постели, но я буквально повисаю на его руке.

– Останься.

Потому что, хоть это и был сон, он был слишком реален.

В глазах моего брата читается понимание, и он, не сказав ни слова, сворачивается клубочком рядом со мной. Нам вообще никогда не были нужны слова, мне достаточно было, чтобы он просто был рядом, и я сразу успокаивалась. Реален он или нет, но даже сейчас он заставляет меня почувствовать умиротворение, и я не готова отпустить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бугимен – персонаж, которым пугали непослушных детей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/koul_kortni/verum

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить